

Федор Михайлович Достоевский

В ДЕНЬ 75-летию со дня смерти Достоевского — 28 января ст. стили 1881 года — сколько всего, как-то само собой, вспоминается его страшный опыт, как, считая мгновенья, стоял он 22 декабря 1849 года на Сомен-

читатели с интересом прочитают это письмо, хоть и оштрафованное, по виду за убогий вандализм. "Сегодня, 22 декабря, нас отвезли на Соменский плац. Там ведем нас прочли смертный приговор, да-ла подыжаться ко кресту, переде-

К 75-летию со дня смерти

"Брат! И не умирал и не умирал духом. Жизнь ведь жизнь, жизнь в нас самих, а не во внешнем. После меня будут люди, и быть человеком между людьми и остаться им навсегда, в каких бы то ни было несчастных, не умирать и не пасть — вот в чем жизнь, в чем задача твоя. Я сознаю это. Эта идея вошла в плоть и кровь мою. Да, правда! Та голова, которая создавала, жила высшим знанием искусства, которая создала и смиралась с высшими потребностями духа, та голова уже срывается с плеч моих. Остались память и об-

шище? Сам Достоевский с точностью не мог нам рассказать об этом. Но человек, прошедший через такое и потом возмужавший в жизни, не может остаться прежним, ослепленным человеком.

Одно — сознательно размышлять или творчески созерцать смерть, другое — самому стоять перед неотвратимым мгновением. Вся жизнь, вся окружающая нас реальность, которую мы привыкли видеть нашим обыкновенным будничным зрением, для пережившего "последнюю минуту" преобразуется, становится как бы невидимой, призрачной, нереальной — и в то же время снова все просветляется и и в а й смысл иная мѣра вещей и челове-

ского — столкновение и бесчислен-ных комбинациях материализован-ных его сознанием мыслей — образов именно потому так захватывает нас, что всё эти мысли-образы реально-всей реальностью.

Два Густавы, в своей записки в "Дневник 1895-1899 г. г." говорит также об этом состоянии:

"Недавно и испытывал чувство не-то, что расуждене, а чувство — что все материальное, и я сам со своим телом есть только мое пред-ставление, есть произведение моего духа, и что есть только мой дух".

Но эта ли способность созидать — на каждую-то минуту свое насто-ящее и, и самое то глубокое таин-ственное лицо мира, открывающеесь большому во время паузы?

Писавом на Востоке эту болянь стигают спавенной и вислокко не стыдится того, что Магомет, по пре-данию, был болен этой болянью.

Основной проблемой направленно-сти сознания вочислены герои До-стоевского, Мистические — каждый из них есть образ и подобие Божие, а все различие в судьбах их эжи-дется на том, как они сами себя осознают, в этом "как" — острей-шей проблемы человека. Высшая же стала восхождению души к Богу, как учит старец Зосима — экстаз.

"Землю плыви и неустанно, не-ласкимо любви, все любви, нищи во-сторга и изступления сего. Омочи землю слезами радости твоея и любви сн слезы твои" — это высшее состояние испытывает Алена.

Достоевский не устает рассказывать нам полностью об этом вбъщъ ду-ховного пути.

Как раз в январе 1881 года, неза-долго до смерти, он говорил о про-должении романа "Братья Карама-зовых", — збйствие которого долж-но было происходить через 20 лѣт, а главным действующим лицом в нем намѣчался Алена, уже взрос-

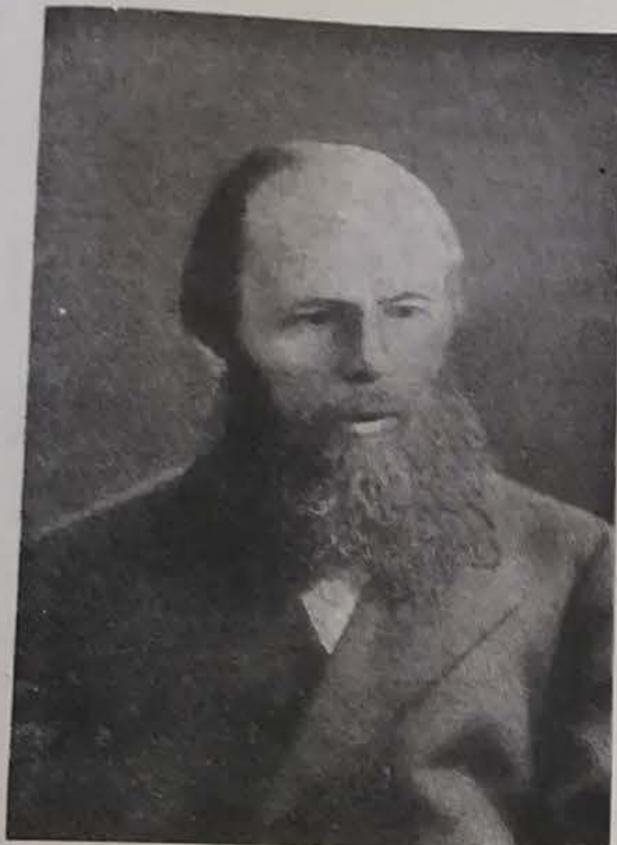
лым. Дней своей смерти Достоевский узнал с точностью совбщъ исполня-тым для нас чувством.

Достоевский заболел в ночь с 25 на 26 января. У него началось кро-воотечене.

27 января ему стало лучше, и ночь прошла спокойно, но рано ут-ром 28 января он разбузил жену со словами: "Знаешь, Аня, я уже три часа, как не сплю и все думаю, и только теперь сознал ясно, что я сегодня умру".

Раскормъ наутра Евангѣлие на трет-тей главѣ от Матфея. "и находитъ там слово "не удерживай".

"Иоани же удерживал Его и го-ворил: Мнѣ надобно креститься от

Ю. К. Терапиано

врем, созданные и еще не воплощен-ные мною. Они изглаживают меня, пра-ва! Но во мнѣ осталось сердце и та же плоть и кровь, которая также может и любить, и страдать, и жа-лѣть, и помнить, а это все-таки жизнь. Оп voit le soleil! Ну, прощай, брат! Обо мнѣ не тужи... Никогда еще таких обильных и здо-ровых запасов духовной жизни не кнѣзю во мнѣ, как теперь. Но вы-несет ли тѣло, не знаю... Боже мой! Сколько образов, выжитых, созданных мною вновь, погибнет, угаснет в моей головѣ или отравой в крови разольется! Да, если нельзя будет писать я погибну!... Пѣту жежчи и злобы в души моей; хотѣлось бы так любить и обнять хоть кого-нибудь из прежних в это мгновенье. Это — отраза, и непталь ее сегодня, про-щались с моими милаыми перед смер-тью...

"Как оглянуться на прошлое, да по-думать, сколько даром потрачено времени, сколько его пропало в заблужденіях, в ошибках, в праздно-сти, в неумѣнии жить; как не рож-дил и им, сколько раз я грѣшил против сердца моего и духа, так кровью обливается сердце мое. Жизнь — дар жизнь — счастье, каждая минута могла быть вѣком счастья.

« Si jeunesse savait! Теперь, переживши жизнь, перерождаюсь в новую форму. Брат! Клянусь тебѣ, что я не потеряю пателу и сохра-ню дух мой и сердце мое и чистоту. Я перерожусь к лучшему. Вот все надежда моя, все утѣшеніе мое".

Быть готовым к смерти, ждать в смертном саванѣ, ружейнаго залпа — сколько времени длилась эта по-слѣдняя минута? Исчезло ли время, или оно только дилось за прѣтлом нашего времени, пребывавло пенод-

оріентировать критиковъ. Вѣднй ум Франсуа Мориака сказался и припо-димых Люменом словах его залого ло кончины Клодела и Жюль. Пред-метотвительно готовясь к будущим «национальным» похоронам, он то-гда уже указал, что Клодела бвзтъ выносить из «Нотъ-Дамъ», а для Андре Жюль намѣчал, как отпра-вить пути «Музей Человѣка».

Замѣчательны и нѣкоторые офи-ки политических дѣятелей, как, на-примѣр, занисъ 1949 г. об Эдгарѣ Форѣ, его «большим умѣ за скром-ным видом среднего человека», о четѣ Богомолотов, сумѣвших избѣ-жать неизбежной для советских представителей необходимости стать своего рода громкоговорителями ликтата их московских хозяев, и много других вѣднх и остроумных наблюдений.

Люмена интересовало и искус-ство, которое он умѣл понимать и цѣнить. Так, примѣчательны его фразы: «лѣ в Сен-Жермен — как бы пейзаж Шагала», и отзывы о балетных спектаклях, гдѣ его осо-бенно поразила Этери Пагани: — «семѣе вѣднй из дѣтскаго сна, экспрессивности наражающейея женственности и неподвижной вѣ-ности статуи».

Жак Люмен, назначенный в 1951 году послом в Лиссабон, умер без-временно два года спустя, оставив по себѣ память, как о достойном премирнѣ рѣла созданных славу французской дипломатии, припо-жденных служителей «карьериз», как принято называть во Франши чиновников дипломатического вѣ-домства.

А. Ш.

свом плану вмѣстѣ с другими при-говоренными к смертной казни.

Всѣ помнит описаніе переживаній приговореннаго в "Плѣтѣ" — рас-сказ князя Мышкина. До недавняго времени у нас было только это ко-венное святѣтельство Достоевскаго о его переживаниях, кроме позднѣй-ших занисей в "Дневникъ писателя", но трудно было отгнѣнуть художест-венный вымысел от дѣйствительно бывшаго.

Послѣ революціи этот пробѣл был залознен. Среди неизвѣстных ранѣе писемъ писателя, найзено его письма к брату Михаилу, написанное в тот же день 22 декабря 1849 г., через нѣсколько часов послѣ отгнѣны смертной казни. Я думаю, многие

мани над головами инаги в устро-ен нам предсмертный туалет (бѣ-лая рубашка). Затѣм троих поста-вили к столбу для исполненія казни. Вызывали по трою, слѣдовате-льно, я был во второй очереди, и жить мнѣ оспарилось не болѣе минуты. Я вспомнил тебѣ, брат, всѣх твоих; в послѣднюю минуту только один ты был в умѣ моем, и тут только у-пал, как любилъ тебѣ, брат мой милый. Я устѣл тоже обнять Паше-ева, Дурова, которые были возлѣ, и проститься с ними. Наконец уда-рили отбѣй, привязанных к столбу привели назад и нам прочли, что Его Императорское Величество да-рует нам жизнь. Затѣм послѣдовал настоящій приговор...

мани над головами инаги в устро-ен нам предсмертный туалет (бѣ-лая рубашка). Затѣм троих поста-вили к столбу для исполненія казни. Вызывали по трою, слѣдовате-льно, я был во второй очереди, и жить мнѣ оспарилось не болѣе минуты. Я вспомнил тебѣ, брат, всѣх твоих; в послѣднюю минуту только один ты был в умѣ моем, и тут только у-пал, как любилъ тебѣ, брат мой милый. Я устѣл тоже обнять Паше-ева, Дурова, которые были возлѣ, и проститься с ними. Наконец уда-рили отбѣй, привязанных к столбу привели назад и нам прочли, что Его Императорское Величество да-рует нам жизнь. Затѣм послѣдовал настоящій приговор...

мани над головами инаги в устро-ен нам предсмертный туалет (бѣ-лая рубашка). Затѣм троих поста-вили к столбу для исполненія казни. Вызывали по трою, слѣдовате-льно, я был во второй очереди, и жить мнѣ оспарилось не болѣе минуты. Я вспомнил тебѣ, брат, всѣх твоих; в послѣднюю минуту только один ты был в умѣ моем, и тут только у-пал, как любилъ тебѣ, брат мой милый. Я устѣл тоже обнять Паше-ева, Дурова, которые были возлѣ, и проститься с ними. Наконец уда-рили отбѣй, привязанных к столбу привели назад и нам прочли, что Его Императорское Величество да-рует нам жизнь. Затѣм послѣдовал настоящій приговор...

ЗАПИСКИ ДИПЛОМАТА

Послѣ «Освобожденія» пост ва-чальника протокольной части в Министерствѣ иностранных дѣл за-нимал ряд лѣтъ Жак Люмен, кото-рый, как теперь видно, когда опу-бликованы его воспоминанія о «Ка-х-Оресъ»), был не только аккурат-ным и внимательным чиновником, дѣлавшим приемами приглашенных в Париж королеванных и всяких вы-сокопоставленных особ, официаль-ными выступлениями, парадными обѣдами и збѣдншами. Оказывает-ся, что с достойной своего поста протокольной наблюдательностью он заносил в свой «журналъ» впечатлѣ-нія от вѣщѣи и разговоров с тѣ-ми, кто так или иначе напавлял или дѣлал «историю» за тѣ шесть лѣт — 1945-1951 — что он про-вел в ближайшей близости к ве-щителям иностранной политики Франши. Интересная книга Люмена полна острых и разумных замѣток, касающихся побывавших за этот период в Парижѣ монахов Грени, Англии и лѣтших поблзков прези-дента Вексена Орюла в Соединенныѣ Штаты и по французской провин-ши, вѣщѣи с президентом Израили Вейнманом, султаном Марокко, Уин-стоном Черчиллем, Вышинским, а также и многими видными предст-авителями науки, литературы, искус-ства.

дѣва еще созрѣть, как это наблю-дается в англійском королевском домѣ, для несенія отвѣтственности за судьбу ему готовленное званіе. Очень характерны и привозимыя им слова герцога в отвѣт на нѣсколько зомѣчливо произнесенную эригер-ногом Отто фразу о возможности ре-стазации в Австрию. «Неужто нас некому правильно освѣдомить?» — произнес тогда спокойно Винзор-ский.

Забавна фраза Вексена Орюла на приемѣ бывшей в Парижѣ, тогда еще вѣднйшим англійскаго престола, Елизаветы, говорившей и очень хо-рошо по-французски, — «Да у нас меньше акцента, чѣм у меня». — послѣднюю презент своим пол-черкнuto тулузским говорком. Не менѣе любопытны и слова амери-канскаго сенатора Ванденберга про Тореза, лидера французской «спар-тинъ»: «как можно быть коммуни-стом с таким здоровым видом».

Много интересных замѣток каса-ются вѣщѣи Люмена с известными художниками, писателями, музыкан-тами, артистами. Очень заинтере-сована фраза одного мексиканскаго ху-дожника, переданная Люмену зна-менитым гитаристом Сегонія. На вопрос музыканта, увидѣннаго, за-чѣм даже работая в своей мастер-ской, художник носит револьвер, тот отвѣтил: «А это, чтобы правильно

оріентировать критиковъ. Вѣднй ум Франсуа Мориака сказался и припо-димых Люменом словах его залого ло кончины Клодела и Жюль. Пред-метотвительно готовясь к будущим «национальным» похоронам, он то-гда уже указал, что Клодела бвзтъ выносить из «Нотъ-Дамъ», а для Андре Жюль намѣчал, как отпра-вить пути «Музей Человѣка».

Замѣчательны и нѣкоторые офи-ки политических дѣятелей, как, на-примѣр, занисъ 1949 г. об Эдгарѣ Форѣ, его «большим умѣ за скром-ным видом среднего человека», о четѣ Богомолотов, сумѣвших избѣ-жать неизбежной для советских представителей необходимости стать своего рода громкоговорителями ликтата их московских хозяев, и много других вѣднх и остроумных наблюдений.

Люмена интересовало и искус-ство, которое он умѣл понимать и цѣнить. Так, примѣчательны его фразы: «лѣ в Сен-Жермен — как бы пейзаж Шагала», и отзывы о балетных спектаклях, гдѣ его осо-бенно поразила Этери Пагани: — «семѣе вѣднй из дѣтскаго сна, экспрессивности наражающейея женственности и неподвижной вѣ-ности статуи».

Жак Люмен, назначенный в 1951 году послом в Лиссабон, умер без-временно два года спустя, оставив по себѣ память, как о достойном премирнѣ рѣла созданных славу французской дипломатии, припо-жденных служителей «карьериз», как принято называть во Франши чиновников дипломатического вѣ-домства.

А. Ш.

ПАМЯТИ СТАРОЙ КРЕСТЬЯНКИ

Свѣтился огонек в долигѣ. Свѣталъ медленно вдали. С послѣдней душой о сыгѣ Ты уходила от земли.

Он рядом спал. Трудом тяжѣлым Был утомлен. Ты не знала. Ребенком вспомнила весѣлым Вот здѣсь, у этого стола.

Твой старый дом! В нем столько было...

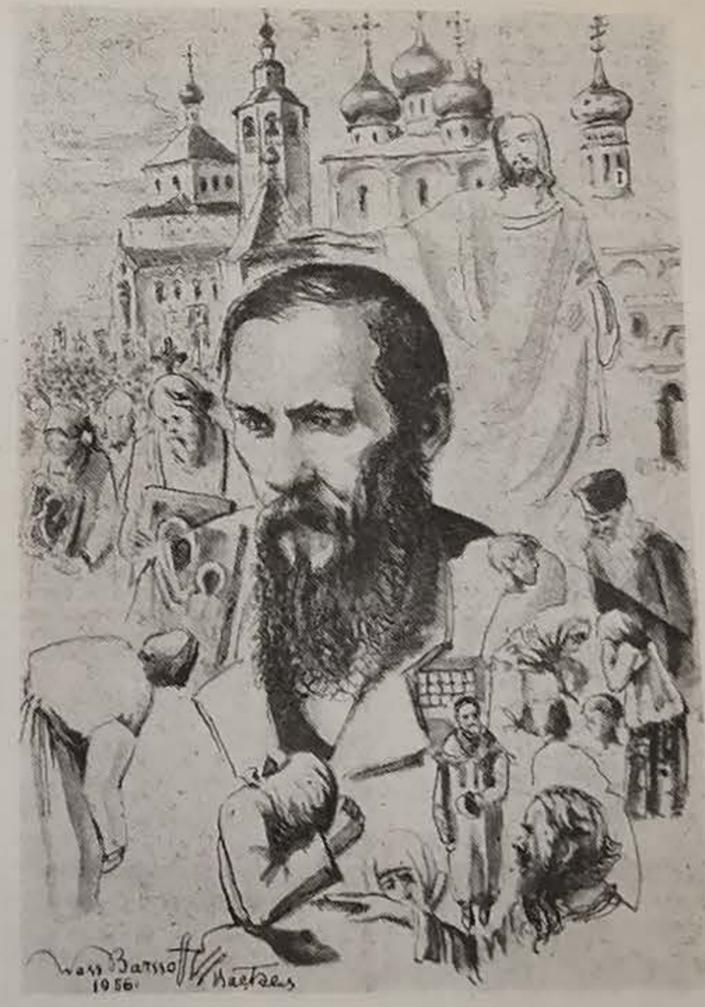
Как день один сейчас года. Трудился, мучилась, любила. Теперь покой. И — навсѣгда.

Екатерина Таубер

ВО ВТОРНИК:

Проф. В. Н. Сперанскій

„Вдова Достоевскаго“

Композиція Вас. Барсова

* Jacques Dumaine. Quel d'Orsay. Eds, Julliard.

Екатерина Таубер

Екатерина Таубер

скому, на вопрос. — "что нужно для того, чтобы стать настоящим большим писателем" — был отгѣт: "Страдать нужно, молодой чело-вѣкъ!"

Тебя и Ты ли приходишь ко мнѣ. Но Исусъ казалъ ему в отвѣт: Но удерживай, ибо так надлежит нам исполнить великую правду". — Ты слышишь, — говорит же-нѣ Достоевскій, — "не удерживай, значит и умру". В 8 часов 38 минут вечера, 28 января Достоевскій скончался. Похороны его были национальным событием, около 30 тысяч чело-вѣкъ провожали его гроб.

Юрій Терапиано